

Сергей Юров

*Случай
на постоялом дворе*

18+

Сергей Юров

Случай на постоялом дворе

«Автор»

2024

Юров С. Д.

Случай на постоялом дворе / С. Д. Юров — «Автор», 2024

Штабс-ротмистр Хитрово-Квашнин на обратном пути из губернской столицы в имение попадает в сильный буран. Он съезжает с тракта, чтобы переждать непогоду на постоялом дворе с застрявшей там горсткой путников. Решение это приводит к непредсказуемым последствиям, впереди – долгая ночь борьбы за выживание.

© Юров С. Д., 2024

© Автор, 2024

Сергей Юров

Случай на постоялом дворе

Глава 1

Отставной штабс-ротмистр Хитрово-Квашнин, подремывая ветреным декабрьским днем под стук копыт в теплом возке, время от времени размыкал глаза и посматривал в оконце. Снаружи картина не менялась: сыпал и сыпал мелкий снег, верста за верстой тянулись ровные белые поля с вкраплениями березовых перелесков. Порой вдали показывался хутор с двумя-тремя постройками под унылыми ветлами, либо мелькала среди голых усадебных берез железная кровля господского дома. Быстрой тенью проносились встречные экипажи, совершали неторопливый обгон едущие позади.

Осталось в стороне селыцо Марьевка, принадлежавшее прежде скрипачу-любителю Александру Герасимовичу Рахманинову. Теперь им владела его вдова, Мария Аркадьевна, музыкально одаренная женщина, отменная пианистка, повторно вышедшая замуж за директора Петродарских минеральных вод. Проехали через Волчки, селение помещиков Жихаревых, Засецких и Измайловых, по левую сторону показались поля селыца Знаменка, Таракановка тож.

– До Шехмани рукой подать, – зевнул дворянин, меняя положение тела. – А там Крутое, Кочетовка, Малый Самовец. Даст Бог, к вечеру будем дома... Хотелось бы, завтра, 20 декабря, мой день рождения, приглашены гости, надо должным образом подготовиться... Погоди, как там кучер? – Он приотворил дверцу, напустив внутрь холода. – Эй, на козлах!.. Как себя чувствуешь, Митрофан?

– Так себе, барин, – послышался простуженный голос. – Варяг держится молодцом, а вот я... Но ничего, выдюжим!

– Будет хуже, обязательно дай знать!.. Не тяни до последнего, ясно?

Хозяин Харитоновки возвращался восвояси из губернской столицы после продажи в Палате гражданского суда куртинки леса и куска пашни губернскому секретарю Гарденину. После оформления купчей дворяне обмыли сделку в трактире «Берлин» итальянца Доминико Пивато, солдата наполеоновской армии, оставшегося в России после компании 1812 года. Выпив несколько бокалов шампанского и переговорив о том, о сем, они пригласили хозяина заведения присесть к ним за стол.

– Рад, что петродарские помещики оказали честь моему заведению! – сказал он с мягким акцентом. – Что еще прикажете? Постараемся удовлетворить любой ваш каприз!.. Петродар!.. Помню, как устраивал в вашей курортной галерее «буфет с приличными для благородного собрания напитками и кондитерскую продажу». Прелестный городок, масса воспоминаний... Как вам мой трактир? Какие-нибудь замечания?

– Нам все здесь нравится, – уверил его Хитрово-Квашнин. – Не беспокойся... А нравится ли в России итальянцу?

– О, да! Я привык к Тамбову, к здешним людям. У меня уже и имя русское, и отчество. Сказать, как я подписываюсь под документами? Демид Иванович Пивато!.. Скоро, шутят, и душа будет русской... А занятие мое мне по душе, всегда при деле, верчусь как белка в колесе!.. Хм-м, знаете, как будет звучать эта русская поговорка по-итальянски?

– А ну-ка, – улыбнулся Гарденин.

– Джираре коме уна троттола – кручусь как волчок. Кстати, француз сказал бы: стреляю из четырех ружей, а испанец: печенки выплевываю!

– А как будет, например, когда рак на горе свистнет?

– Когда ослы полетят! Так сказал бы мой соотечественник, а француз: когда у кур появятся зубы.

Хитрово-Квашнин окинул взглядом приличную обстановку в трактире.

– Мы говорим: как сыр в масле катается, французы: как петух в мармеладе. А вы?

– У итальянцев то же самое, что и у русских.

Харитоновский барин распрощался с Гардениным во второй половине дня, ближе к вечеру. Ехать домой было уже поздно, и он заночевал с Митрофаном в гостинице обрусевшего итальянца. Утром, поблагодарив Пивато, нанес короткий визит поручику Оленину, старинному приятелю-сослуживцу, задолжавшему пятьсот рублей.

– Вот как! – обнял его у дверей хозяин. – Хитрово-Квашнин! Извини, что не смог до сих пор вернуть должок... Как тебя Бог милует, Евстигней?

– Живу твоими молитвами, Павел!

Отчитав гостя за ночлег в гостинице, Оленин препроводил его в кабинет, а потом в столовую, где друзья-товарищи за наливками да закусками вспомнили свою юность, боевое прошлое. Коснулись отступления к Москве, великого пожара, с воодушевлением перебрали события натиска к западным пределам государства, к реке Березине, у коей хваленый Бонапарт только благодаря счастливой случайности избежал казачьего плена. Поговорили о делах насущных, о волнениях из-за вспышки холеры, о хозяйстве в имениях и деятельности уездных предводителей. После доброго застолья петродарский помещик, получив долг, раскланялся с хлебосольным поручиком и, помолившись Богу, отправился в обратный путь.

Митрофан почувствовал себя плохо уже на выезде из Тамбова. «Барин, я, кажись, занемог», – сообщил он, когда проехали селение Стрельцы. «Да ты что?! – спохватился Хитрово-Квашнин. – С чего это вдруг?» «Не могу знать, слабость эта одолевает».

Болезнь, как выяснилось, явилась прямым следствием ухарства слуги, прогулявшегося на ветру по улицам города в расстегнутом зипуне и без шапки. Хитрово-Квашнин приказал остановиться, отчитал кучера и привел в пример того же Александра Рахманинова, который в студеную зимнюю пору двенадцатого года, понадеявшись на крепкое здоровье, скинул с себя шубу, заболел и в считанное время сгорел от горячки. Митрофан, сознавая свою вину, заверил барина, что будет крепиться и как-нибудь да осилит дорогу.

Погода хоть и была ветреной, но оставалась терпимой почти весь путь от окраин Тамбова до границы с Петродарским уездом. Затем стала меняться на глазах, и не в лучшую сторону. Небо еще больше нахмурилось, подалось к земле, протяжно засвистел ветер. За поворотом на Озерки сильная поземка и вовсе обернулась настоящей метелью.

– Этого еще не хватало! – процедил штабс-ротмистр, хмурясь на снег, проскальзывающий внутрь экипажа. Он снова приоткрыл дверцу. – Держишься, Митрофан?

– Стараюсь, ваша милость, – отвечивал верный слуга. – Не извольте беспокоиться.

С козел он чуть не свалился, когда проехали Большой Избердей. Хитрово-Квашнину ничего не оставалось, как поместить горячечного больного в возок и самому взять в руки вожжи. Варяг скосил глаза на нового возницу и, тряхнув головой, снова двинулся вперед.

– Эх, Митрофан, Митрофан, – сетовал Хитрово-Квашнин, напряженно всматриваясь с облучка на впереди лежащий путь. – Как это все не во время! Тебе не привыкать править лошадей в любую погоду, я ж не то... Мне бы летом лошадку погонять, при солнышке, а не в эту чертову метель!... Как бы в кювет не съехать, да и на встречного не хотелось бы нарваться!

Действительно, управлять лошадей в вихрящейся пурге было крайне сложно. Ладно бы только холод, проникавший до костей, снег без конца слепил глаза, не позволяя хорошенько разглядеть тракт, который заметало все больше и больше. Настроение не становилось лучше от пронзительного ветра, завывавшего на все лады.

– Похоже, не судьба нынче добраться до дому, – буркнул недовольный возница, проехав с версту. – Оно и Митрофану требуется помощь... Хотя бы доехать до Нижней Абловки. Там и у Вельяминова можно остановиться, и у Карицкого, и у Чернова, да и другие помещики не откажут в ночевке.

Хитрово-Квашнину вспомнились эпизоды расследования убийств в указанном сельце, случившихся минувшим августом. Ему пришлось тогда здорово помозговать, приложить массу усилий, чтобы раскрыть мотивы свершившихся злодеяний.

– Заеду к театралу Карицкому. Заодно справлюсь, как у него обстоят дела с постановкой «Гамлета». Обещал прислать приглашение на премьеру, но до сих пор так и... Боже, завтра мой день рождения, званый ужин! А я тут плетусь посреди свирепой пурги с больным кучером в экипаже!..

Он вскинул кнут, но тут же его опустил, заставив Варяга убавить прыть... Лететь без оглядки в такую погоду крайне опасно: чуть съедешь с тракта и конец – непременно затеряешься в этом белом неистовом коловращении!.. Бр-р... Холодно-то как! Отчаянно мерзнет нос, руки леденеют даже в перчатках... Вот незадача!.. Ну, ничего, как-нибудь выпутаемся из всего этого безобразия, удача, надеюсь, будет на моей стороне. Домой, даст Бог, поспею к сроку. Ох, как было бы здорово!.. Столько дел впереди, столько забот...

Ему вспомнился разговор с поваром перед отправлением в Тамбов... Так, мы уже составили примерное меню званого ужина: слуги подадут на праздничный стол фаршированных поросят, гусей, уток, рябчиков, черную икру, всевозможные пирожки, разные вина из лавки купца Трофимова, шампанское, самодельные наливки, пунш. Есть чем угостить дорогих гостей, есть чем их попотчевать!.. Прежде всего, в гостинной будет организован небольшой фуршет с легкими закусками. Пусть гости поприветствуют друг друга, освоятся, пообщаются немного. Ну, а потом – в столовую! Блюда в ней выставят, конечно же, не на французский манер, не все вдруг, а постепенно, по мере их усвоения. Французскую подачу я нахожу неудобной, блюда при ней неизбежно стынут, русский человек же любит еду погорячее... Хм-м, завтра тебе, Евстигней свет Харитонович, стукнет сорок пять. Возраст, однако. Посыпать голову пеплом и распускать нюни ты, конечно, не станешь, но что ни говори, это значительная дата, большая часть жизни прожита. Некоторые знакомые уже в стране вечной охоты, как изъясняются делавары и прочие ирокезы...

– Черт!

Избегая столкновения с встречными санями, неожиданно вынырнувшими из снежного вихря, штабс-ротмистр чудом удержал возок от падения в глубокую обочину. От перенесенной встряски он какое-то время постоял на месте, отдуваясь и покачивая головой.

– Нет, это уже слишком! Пропадешь тут ни за грош!

Возобновил движение он уже с принятым решением. Где-то через полверсты иссиня-черный экипаж свернул с тракта влево и зашуршал полозьями по припорошенной полевой дороге. Путник заставил коня бежать рысцей к постоялому двору, который построил перед ханыковским хутором мещанин Афанасий Астреин. В летнюю пору при хорошей погоде двор хоть и не отчетливо, но просматривался с тракта, сейчас же его полностью скрывала стена из мельтешащего снега.

Можно было съехать в правую сторону, к Сальковским выселкам, но пережидать непогоду в приземистой избе какого-нибудь заспанного и полупьяного мужичка дворянину совсем не улыбалось. Однажды он попал на ночлег к такому горе-хозяину, деваться было некуда. В избе, которую подвыпивший крестьянин называл клетью, стоял тяжелый дух, по углам прятались тараканы, прямо у печи на соломе лежал теленок. Уложив постояльца на кровать, больше похожую на нары, мужик весь вечер прикладывался к бутылки с вином, а к ночи свалился на пол и уснул возле своей крапчатой скотинки. Теленок и разбудил благородного гостя рано поутру, лизнув его самые в губы своим теплым шершавым языком.

Астреина Хитрово-Квашнин знал еще с тех пор, когда по разным надобностям гонял на тройке по уезду в качестве капитана-исправника. Ему нравилось, что у мещанина в главной комнате избы постоялого двора всегда было прибрано и уютно, как и в крохотном мезонине, его личных апартаментах. Да и в отношении еды с ночлегом он не гнул цену, не обирал посто-

яльцев почем зря. Супругу себе взял из обедневшей дворянской семьи Колесниковых. Та, в ответ на нежную привязанность мужа, подарила ему двух дочерей и сына. Ее Астреин берег, каждый год отправлял на петродарский курорт, баловал подарками. В подмогу для работ на постоялом дворе никогда не брал, всецело полагаясь на помощников из рядовых мещан.

Хитрово-Квашнин, понукая Варяга, ухмыльнулся в усы, вспомнив, как много лет назад повязал вора на постоялом дворе. Сумерки летнего денька застали его с заседателем уездного земского суда Зацепиным на пути из Кочетовки в Грязи. Что ж делать? До села далеко, гром гремит все ближе и ближе, страшно сверкают молнии, вот-вот обрушится ливень. Посоветовались и решили искать ночлега у Астреина. Приехали, постояльцев кот наплакал, всего два человека, один мещанин из Петродара, другой из Скопина. Как водится, переговорили с содержателем двора, выпили вина, перебросились с Зацепиным от нечего делать в карты и легли спать в одной из небольших комнаток. Сон у штабс-ротмистра чуткий, особенно в чужих местах, вне стен собственного дома. Его и пробудило какое-то легкое движение на дворе. С дороги кто нагрязнул посреди ночи или это лошадь топчется под навесом? Дай, думает, проверю. Встает с деревянной кровати, берет с тумбочки пистолет и, опираясь на трость, выходит из комнатки. В избяные оконца светит луна, за большим столом ни души. Он осторожно приотворяет дверь, выходит в сени, потом на крыльцо и видит, как здоровенный бугай из скопинских мещан появляется из-под навеса с одной из их с заседателем лошадей и тихо ведет ее по направлению к воротам.

– А ну стой, подлец! – рявкнул Хитрово-Квашнин, взводя курок.

Мещанин вздрагивает и в два счета оказывается на лошади. Уйдет, думает дворянин. Сходит с крыльца, прицеливается и производит выстрел. Лошадь продолжила скачку, но уже без седока. Тот свалился на землю, заполучив пулю в бок. Хитрово-Квашнин с помощью Зацепина и Астреина связал ему руки, отволол в избу и утром доставил в город на съезжую. А на постоялом дворе в конце того лета появилась крытая тесом конюшня, закрывающаяся на замок.

Вспомнилась и осенняя охота на зайца из засидки. Она имела место в смешанной рощице, которую Астреин купил по сходной цене у местного помещика Бланка. В ту ночь, прячась в построенном им шалаше, они подкараулили и застрелили двух русаков, один здоровее другого. Своего зайца «дворник», как называли Астреина многие постояльцы, уложил из старинного ударно-кремневого ружья-двустволки, доставшегося ему по наследству от деда, тоже страстного охотника.

В предвкушении отдыха помещик то и дело взмахивал кнутом, погоняя коня, как вдруг осознал, что едет уже не по узкой дороге, а по полю. Он резко натянул вожжи... Боже, как я не заметил-то?! Так, только не терять голову, не пороть горячку. Кажется, дорога будет чуть правее, туда и поедем.

Варяг, склонив голову, послушно направился в указанном направлении. Через считанные сажени возок угодил правым полозом в какую-то узкую впадинку. Он накренился, заскрипел и перевернулся. Возница успел соскочить с козел, а Митрофан мешком вывалился в снег.

– Черт побери! – рявкнул дворянин, рубанув рукой воздух. – Ну, не паскудство ли?!

Поставив возок на полозья и погрузив облепленного снегом больного на сиденье, он вывел коня на ровное место. Постоял немного, отдуваясь после нелегкой работы. Потом решительно ударил ладонями по бедрам и влез на козлы. Снова Варяг двинулся вперед, увязая в снежной каше чуть ли не по колено. В очередную яму он не попал только благодаря счастливой случайности.

– Не туда мы едем, коняга! – вздохнул заблудившийся путник, осматриваясь по сторонам. – Поворачивай назад!

Добравшись до того места, откуда начался неверный путь, он заставил животное двигаться в прямо противоположном направлении. Но и там не обнаружилось никакой дороги. Он натянул вожжи и сплюнул с досады.

– Да что б тебя!

Взмахнув кнутом, пустил Варяга по сугробам к едва заметному взгорку. Без цели и особых надежд, наобум, просто потому, что возвышенность слегка отличалась от безграничного ровного пейзажа. По ней-то, как оказалось, и вилась желанная полевая дорога! Он так обрадовался, так воспрянул духом, что громко запел:

Ах, зима, зима лихая,
Кто тебя так рано звал...

Ему, однако, довелось еще раз съехать с пути. Оказавшись опять в белом поле, заметенный с головы до ног снегом, он сник настолько, что, применив крепкое словцо, бросил вожжи себе под ноги. Выручило то, что в белой мгле в момент относительного затишья удалось разглядеть верхушку колодезного журавля. У измученного путника повысилось настроение, в голове завертелась наивная детская загадка:

Кто зимой метет и злится,
Дует, воет и кружится,
Стелет белую постель?
Это снежная...

Он схватил вожжи и погнал Варяга вперед. Тот, приметив жилье, заплясал в беге и заржал так, словно подъезжал к родной конюшне. В ворота постоялого двора стучать не пришлось, они были полуоткрыты. Сойдя с козел, повеселевший возница провел коня через створки и направился к сплошному тесовому навесу с округлыми столбами, где уже стояли четыре экипажа. В какой-то миг снежной завихури ему показалось, что от них к деревянному домику скользнула тень человека. От неожиданности он даже приостановился.

– «Что это было?» – мелькнуло в голове. – Поземка взметнулась?.. Ну, уж нет. Не настолько я притомился, чтобы путать людские фигуры со снежной пылью!.. Кто-то задумал провернуть свои делишки? Или уже провернул?.. Хм-м, кому-то явно не хотелось попасться мне на глаза».

Экипажами были три возка, синий, серый и коричневый, и черная бричка с закрытым деревянным кузовом. Поставив возок рядом с бричкой, барин помог кучеру выбраться наружу и запер дверцу на ключ.

– Крепись, дружище, – подбодрил он Митрофана. – Можешь опереться на меня. Смелей, не робеть! Еще немного, и мы в тепле!

Они прошли через полосу тусклого света, падавшего из окна, к низкому крыльцу, и поднялись по ступенькам. Хитрово-Квашнин громко постучался.

– Кого нанесло сюда в эту непогодь? – послышался изнутри чуть погодя тонкий мужской голос. – Мы думали, сюда уж больше никто не наедет. Это ж ужас как метет! Светопреставление!

– Путник с тракта, дворянин, – ответил штабс-ротмистр. – Отворяй да пошустрей! Со мной больной слуга.

Загремел засов, дубовая дверь распахнулась. В холодных продолговатых сенях стоял щуплый человек в накинутой на плечи шубейке. За ним темнела наружная дверь в сад, справа от него – обитая клеенкой дверь в избу. Ее-то он, дернув за ручку, и отворил.

– Входите, располагайтесь, – сказа он.

За длинным столом, заставленным самоваром, тарелками с остатками еды, пустыми бутылками из-под хереса и кружками с чаем, сидели шестеро постояльцев, в числе коих была красивая черноглазая женщина. Попивая горячий чай, они предавались игре в лото на деньги.

«Всего семеро, считая шуплого», – подумалось Хитрово-Квашнину.

Он бегло осмотрел игроков... Кто из них только что был снаружи? Тот, кто открыл мне дверь?... Вроде бы, нет... И кому же потребовалось так шнырять по двору?... Не разобрать. Сидит этот хитрец, как ни в чем не бывало, и поигрывает себе в лото. Попробуй, выведи его на чистую воду. Не станешь же с ходу вести следствие. Да он уж, поди, придумал, что сказать. Покажет, если и прижмешь, что бегал за чем-нибудь к своему экипажу. За поклажей какой, за нужной вещицей. Разве нельзя? Законы не позволяют?... Еще поднимут на смех за излишнюю подозрительность. И все же, все же...

В чисто убранной комнате, оклеенной голубоватыми обоями, было тепло, аппетитно пахло свежим хлебом, яичницей на сале, квашеной капустой. И еще хорошим вином.

Светловолосый силач лет тридцати пяти с изогнутой трубкой во рту, одетый в двубортный плисовый жилет поверх рубахи-косоворотки и державший мешочек с бочонками, толкнул локтем в бок соседа, того самого шуплого и вихрастого парня.

– Рано присел, Захар. Ишь, прыткий какой! Встань и помоги их благородию!

– Погодите, погодьте, я сию минуту! – заверещал тот своим тонким голоском. – Что это с вашим человеком, вашбродь? Никак горячка?... Да-а, видно, она и есть, из-за нее такая слабость.

Не видя ни Астреина, ни его помощника, Хитрово-Квашнин оставил трость у входа, прошел к огромной печи, возле которой дремала кошка, раздел Митрофана и с помощью худенького Захара уложил его за ширму на теплую лежанку. За ней располагались четыре двери, ведущие в изолированные комнаты.

– Спасибо, барин! – прошептал едва слышно слуга. – Вот ведь как вам приходится... А меня, дурака, коль выживу, на конюшню и витой плетью по бокам... Подвел, как есть подвел...

– Лежи, лежи, чего теперь об этом толковать. Сейчас чайку с малиной выпьешь, глядишь, и легче станет... Лоб-то у тебя, брат, горит, огненный!

Сняв фуражку и помолившись образам в святом углу, Хитрово-Квашнин окинул взглядом комнату и остановил его на старинной двустоволке, висевшей на стене за спиной светловолосого бугая. Затем посмотрел на дверь в мезонин, запертую на замок.

– А где же дворник, люди добрые?... Астреин, то есть?

Глава 2

Светловолосый игрок поднял на нового постояльца сметливые голубые глаза и стукнул себе в грудь.

– Я за него, на меня он оставил постоялый двор. Вот двустоволку свою вручил, для внушения, будем говорить, и порядка. Я свояк ему, купец Придорогин из Козлова. Может, слышали?..

– Слышать-то слышал, да ведь вас много там, Придорогиных. Что ни купец или другой какой торгаш, то Придорогин.

– Это верно. Мы из тех, что пенькой, льном и сукнами промышляют...

– Значит, Колесниковы одну из дочерей за тебя отдали. Вот оно как... Что ж, за еду и сено поутру с тобой расплачиваться?

– Выходит, со мной.

– Хм-м... Ну, а что там с Астреиным? Надеюсь, все хорошо?

– С Афанасием Терентьичем все в порядке. С сыном его родным беда приключилась.

– Что такое?

– При смерти он, соборовали уже. У него лавка в Озерках, вот свояк, закрыв мезонин на ключ, перед вашим приездом туда и подался.

– Так у Саввы, вроде бы, в Петродаре лавка. В Красном ряду.

– У него их там целых две, сидельцы торгуют. Еще одну недавно в Озерках приобрел, вместе с избой для жилья. Покупателей хватает, с Дубовки едут, с Щегловки, Шехманки и Малой Шехманки, из других близких и дальних мест.

– Гонец сказал, что с избяной крыши-то и упал, – подхватил щуплый и востроглазый Захар, поглаживая нанковый однобортный жилет. – Животом да на острые колья забора. Тут уж, бесприменно, заказывай требу, потому как кирдык! Вот также, лет десять тому, полез мой сосед в мокрую погоду на князек, ставить флюгер, то есть, птицеверт, да сорвался и полетел вниз. Прямо как Савва, только не на забор, а на зубцы валявшейся у стены дома бороны!

– Вот оно как, – нахмурился Хитрово-Квашнин. – Беда для Афанасия, единственный сын, наследник! – Вдруг в голове его что-то щелкнуло, мелькнула тень подозрения. – Говоришь, он отбыл перед моим приездом? Дорога здесь к тракту одна, мне он не встретился.

– В полях, случаем, не плутали? – спросил купец, почесывая бороду и оценивая положение на карточках других игроков. – Мы с Захаром разок свернули не туда. Осмотрелись, а пути-то нет! Истинно, не видал, как упал, погляжу – уж лежу! Насилу нашли, то есть, ее, дорогу-то. Вот как!

– Да, было дело. – Подозрение стало медленно сходить на нет. – Плутал, как и вы, будь оно не ладно!

– Ну, вот и разгад: коль судьба – встретишься, нет – разминешься...

Со стороны комнат для отдыха раздался приглушенный кашель. Хитрово-Квашнин поднял вопросительный взгляд на купца. Тот закивал светловолосой головой.

– Это другой мой помощник. Выюноша, слег от этой... как ее?... Инфле...

– Инфлюэнцы?

– Вот-вот, черт, и не выговоришь!.. Отцы наши ее «китайкой» называли. Поил разным чаем, пока он был в сознании. Теперь только мычит в бреду и покашливает. Болезнь заразная, вам туда, вашбродь, да, впрочем, и другим, лучше не соваться. Ко мне она, слава Богу, не пристаёт. Помню, не страдали от нее и отец с дедом. Весь город кашляет, люд в изнеможении, а им все нипочем... Комната ваша будет через одну от той, где лежит этот бедолага.

– А куда ж приказчик с кухаркой запропалились? – поинтересовался харитоновский помещик. – Мне б ужина какого, а человеку моему чайку с малиной или липовым цветом.

– Повариха с утра занемогла, на хутор к себе отправилась, а Епифан до снежной круговерти был послан в Избердей за сахаром... Мы тут потихоньку управляемся, деваться-то некуда... Захарка, живо сваргань их милости яичницу с салом. Не забудь присыпать сушеной зеленью, да смотри, не пережарь, что б желтки эдак растеклись немного! Так, вашбродь?

– Именно, так.

– Заодно приготовь чаю с малиной! Уяснил?... Что сидишь как куст в горшке?!

– Ага! – Щуплый парень опять соскочил с лавки, бросился на кухню и загремел сковородкой.

– Как говорится, чем богаты, тем и рады... Пойду, гляну в щелку, как там Прошка с этой его инфлу... инфле... тьфу ты, прости Господи!..

Хитрово-Квашнин вздохнул и, повесив шинель с фуражкой на гвоздь, присел к столу. Его не оставляло чувство, что на постоялом дворе что-то не так. Но что именно, он не мог для себя уяснить, это от него ускользало.

Окинув взглядом висевшие на стенах лубочные картинки и намалеванные каким-то умельцем. портреты Астреина с супругой, он стал присматриваться к тем, с кем ему предстояло переждать налетевший на округу буран. В ходе возобновившейся с приходом купца игры пошли разговоры, постепенно выяснилось, что Захар у Придорогина состоял в подручных. Постоялец среднего роста и телосложения, застегнутый на все пуговицы укороченного черного сюртука, являлся отставным канцеляристом Дормидонтом Сухаревым. Рядом с ним сидела в кружевной мантилье поверх сиреневого французского платья его художавая супруга. Еще

одним путником был рыжебородый сутуловатый верзила в выдавшем виды коричневом сюртуке с тяжелым взглядом исподлобья, пробурчавший, что он усманский мещанин Пафнутий Забазарнов. На краю стола сидели два черноволосых молодых человека, сказавшиеся родными братьями, мещанами из Борисоглебска. Все они ехали, кто, куда, но непогода заставила их искать пристанища на астреинском постоялом дворе.

Спустя несколько минут штабс-ротмистр сделал для себя кое-какие выводы. Обычные, вроде бы, люди... Купец улыбчив, уверен в себе, сыплет поговорками. Его подручный – типичный прислужник, готовый разбиться в лепешку, дабы угодить хозяину. Канцелярист, выглядящий лет на тридцать, надушен, одет с иголочки, видно, что начитан, – из бокового кармана выглядывает серо-коричневая обложка какого-то столичного журнала, – но что-то в нем не то, что-то не дает проникнуться к нему симпатией. Наверное, его глаза, так и норовит отвести их в сторону. Скрытничает?.. Зачем? Смущается?.. С чего бы?.. Его жена, черноглазая и темно-волосая, лет двадцати пяти, тоже слегка насторожена. О мещанине со шрамами на щеке и бровях, которому далеко за тридцать, и говорить нечего – смотрит сычом, молчун, слова клещами не вытянуть... Братья, одетые в серые длиннополые сюртуки, приняли внутрь слишком много горячительных напитков, по их широким лицам с низкими лбами ничего нельзя было разобрать... Все же, кто из этой компании так по-воровски метнулся от экипажей к крыльцу?.. Кто?

Купец, перемешивая бочонки, раз за разом оглашал избу приятным баритоном:

– Барабанные палочки! – и добавлял при этом: – Одиннадцать!.. Утята! Двадцать два!..

Семь пятниц на неделе! Семьдесят пять! Туда-сюда! Шестьдесят девять!..

Увидев, как один из братьев с бородавкой на щеке снова потянулся к бутылке, он гаркнул:

– Семен! Ты играешь, или дурию маешься?

– Не видишь, винца собираюсь хлебнуть, – ответил мещанин, бросив на светловолосого купца хмурый взгляд.

– Ты на меня так не смотри, не люблю я этого. Пьешь с братом сверх меры, суешься в комнату к Прошке. Заболеешь ведь, лечи потом тебя... Имей ввиду, мое терпение заканчивается. Я тут за хозяина! Возьму и вышвырну на крыльцо!

– А, может, он уже пришел в себя, выздоравливает. Я б поговорил с ним по душам...

– Он без сознания. И о чем с ним тебе толковать, вы друг друга знать не знаете!

– Познакомились бы...

– Я больше предупреждать не буду!.. И ты, Тарас: играть, так играть, а не желаешь, ступай спать в свою комнату...

– Нет, я еще посижу здесь. Чего мне в комнате делать-то в такую рань?

– Ну, так веди себя, как надо... Одолели эти борисоглебские, ей Богу!

Захар не собирался терять нить игры, и бегал от печки к столу, не переставая.

Взгляд штабс-ротмистра остановился на полке с книгами и журналами – редкими вещами на постоялых дворах. Объяснялось это тем, что Астреин сам не чурался чтения отечественных и зарубежных произведений. Говорил, что приобщила его к этому интересному занятию его благородная супруга.

– Что у него здесь? – Дворянин, подойдя к полке, взялся просматривать ее содержимое. – «Полярная звезда», «Сын Отечества», «Благонамеренный», прочие журналы... Ну, а какие романы?.. Хм-м, «Замок Нейгаузен», «Ревельский турнир», «Вечер на Кавказских водах» Бесстужева-Марлинского. Как же без русского Вальтера Скотта?! «Юрий Милославский» Загоскина, «Иван Выжигин» Булгарина. Все аккуратно, автор к автору... Из иностранного здесь... три романа Вальтера Скотта – «Уэверли», «Пуритане» и «Роб Рой»... Вашингтон Ирвинг с его «Рипом Ван Винклем»... «Шпион» и «Американские степи» Фенимора Купера...

Он пролистал «Русский телеграф» с последним романом американского Вальтера Скотта, не отказав себе в удовольствии прочитать про себя следующие строки:

«— Сиу ведут совет о моем брате, — молвил траппер, когда понял, что, только заговорив, привлечет к себе внимание пауни.

Верховный вождь пауни, спокойно улыбаясь, повернул к нему голову и сказал:

— Они считают скальпы над вигвамом Твердого Сердца!.. Разве отец мой думает, что воин может умереть? Владыка Жизни не для того открывает руку, чтобы взять назад свои дары. Когда ему нужны его молодые воины, он их зовет, и они уходят к нему. Но краснокожий, на которого он однаждыдохнул, живет вечно».

Уловив тяжелое дыхание кучера, штабс-ротмистр тихо поговорил:

— Эх, дал бы Владыка Жизни здоровья моему Митрофану, унял бы эту его гадкую горячку!

Положив журнал на место, он прошелся к полкам, где, как помнил, хранились медицинские средства и травы.

— Куски корпии тут, холщовые бинты, — бормотал он себе под нос, — камфорный спирт, уксус, хина, растопленный воск. Здесь липовый цвет, ромашка, кровохлебка, брусника... Запаслив Афанасий, и это понятно — неделями, а то и месяцами безвылазно живет на постоялом дворе...

— Может, помощь нужна, вашбродь? — спросил Захар. — Чай почти готов, вот поджарю яичницу и...

— Да нет, это я так, астреинские запасы просматриваю. Надо знать, что у него имеется. Для больного Митрофана, не для себя.

— Трав-то этих у дворника полно!.. Матрена, повариха которая, собирает их в урочное время и сушит. Жаль, что болезнь ее скрутила, а то б разносолов всяких приготовила. У нее знатные щи выходят и пироги на любой вкус... Мне по душе с вязигой, эдак откусишь кусок, закатаешь глаза, ничего не соображаешь... Ох, даже слюнки побежали! Астреину рыб-то извозные однодворцы с самой Волги тащат...

— Знаю, угощал меня в прежние времена.

— И мы с хозяином не раз здесь бывали проездом. Это сейчас, в буран, от тракта не добраться, а летом-то свернул, чуть прокатился по пыльной узкой дорожке — и ты на постоялом дворе! А тут Матрена в цветастом фартуке: чего изволите? Щец, пирожков аль ледяного квасу?..

Когда Захар, наконец, справился с заданием, штабс-ротмистр перво-наперво напоил теплым целебным чаем больного слугу. Потом помыл руки над тазом, вытер их полотенцем и посмотрел на себя в висевшее на стене круглое зеркало. По-мужски красивый, высокий и широкоплечий, в синем двубортном мундире с малиновым нагрудником, украшенным орден-ом Св. Георгия, синих панталонах с двойными лампасами, он, пригладив тронутые сединой волосы, присел за стол и вплотную занялся яичницей, припорошенной зеленью. Простое блюдо с ломтем черного хлеба показалось ему, после всех передрыг в пути, вкуснейшим яством.

А за окнами с поблекшими ситцевыми занавесками продолжала свистеть метель. Порой она так надрывалась в своей злобе, что постояльцы, за исключением хмельных борисоглебцев, в изумлении покачивали головами.

— Вот такая же завируха прошлой зимой в феврале-месяце застала нас в Козловском уезде, — молвил меж делом Придорогин. — Захарка, язви его душу, сбился с дороги в полях за Сычевкой... Правит, а куда, сам понятия не имеет!.. Так, бездельник? Виноват?

— Ни Боже мой! — возразил помощник. — Это карнаухий, чертов конь, свернул не туда! Сказать правду, он — чистое наказание! Другие лошади с понятием, никогда не позволят себе дурачества или иного чего, а он... одно слово — неподходящий. И даром что крупный, все плетется, как доходяга, и забирает при этом все время влево. А?! Нужный конь?.. Без него никак?.. Будь моя воля, хозяин, я его уже давно бы продал либо в обмен пустил, честное слово!

– Толкуй, словоблудник! Вертишь языком, что корова хвостом! Коня винишь, когда сам растяпа! Такие как ты ровно смотрят, да все мимо!.. Помалкивай, умнее смотреться будешь... Ну, так вот, остановились мы, взглянул я на заснеженную степь и думаю: «Пришла наша погибель! Вот она!» Правду говорят, не ты смерти ищешь, она тебя сторожит. Что ж, на месте замерзать не будешь, страх охватывает, двинулись дальше. А куда, черт его знает! Сугробы везде, возок переваливается с боку на бок, того и гляди перевернется! Карнаухий приустал, голову повесил, копыта еле-еле переставляет. А кругом метет все сильнее, хлад собачий, такой, что кожу обжигает!.. Крендельки! Восемьдесят восемь!.. Опять остановились, что делать? Куда направить коня? Наобум сделали последний рывок, едем, молчим, ни во что не верим. Глядь, не так уж чтоб вдали огонек будто бы мерцает. Оказалось, хутор... Топорики! Семьдесят семь!.. Еле выбрались из тех полей, до сих пор как вспомню, так внутри, под ложечкой, словно холодом обдает!

– И я ведь однажды чуть не пропал, – поддержал разговор узколиций и кареглазый канцелярист, взглянув на свою карточку. – Метель застигла меня между Лавровкой и Чемлыком. Налетела стремительно, глазом моргнуть не успел. Чемлык поближе был, ну, я и подался в ту сторону. Погоняю лошадь, а метель все круче, свистит, ярится, настоящий буран надвигается. – Он попытлся своей небольшой трубкой с изящно утонченным мундштуком и округлой чашечкой. – Уж и дороги не видно, еду сам не знаю куда. Гляжу, мужицкий обоз в стороне путь держит. Я к нему пристал, да так и спасся. Если б не это, непременно сгинул бы, оставил бы свою Калерию Никодимовну вдовой.

Черноглазая красавица тряхнула головой и трижды плюнула через левое плечо.

– Типун тебе на язык, Дормидоша! – проворковала она приятным грудным голосом. – Скажешь тоже, вдовой.

– А что? Все под Богом ходим, как оно будет завтра, даже в следующую минуту, никто не знает.

– Не хочу об этом говорить!

– Хорошо, хорошо, милая, оставим эту тему.

Двоюродные братья и Пафнутий помалкивали, насасывая короткие деревянные трубки. Дворянин вздохнул, вспомнив свои мытарства по белу полю... Да-а, досталось мне с кучером. Ужась, как он любит говорить... Пусть выздоравливает, бедняга... Господи, за что это все мне? За какие грехи?.. Завтра день рождения, заботы, прием гостей...

Прислушавшись к разгулявшейся завирухе, он посмотрел на настенные ходики, которые Астреин привез когда-то из Москвы. Стрелки показывали без четверти четыре.

– Смеркается, а униматься и не думает!.. Да-а, принесло сюда буран в декабре, вон как разбушевался... Обычно в феврале налетает, тогда он, как бы и в порядке вещей, особо ему не удивляешься... Что ж, сидеть-то в тепле хорошо, а надо идти наружу: коня как следует пристроить, сенца ему задать. Как у Астреина с кормом, Придорогин?

– Сено с овсом в амбаре, за крыльцом налево, – подсказал купец, как раз выиграв тур и забирая с коня деньги. – Кормов этих на целый табун хватит. Крепкий хозяин свояк, все у него с запасом, все по-хорошему, всегда таким был, сколько его знаю.

– Что есть, то есть, не отнять. Как обычно, громадная поленница дров на дворе, колодец как на картинке, новый навес, высокий забор. Блюдет свое дело Астреин, не придерешься.

– Лошадь в конюшню ставьте, возьмите ключи... Захар, помоги там барину!.. Ну, что скосоротился? Мне, что ли, прикажешь идти?

Хитрово-Квашнин надел шинель и фуражку, снял со стены фонарь, зажег его, и вышел наружу. Ночь еще и не думала вступать в свои права, а видимость была хуже некуда. Темные рваные тучи буквально цеплялись за верхушку колодезного журавля, ветер еще сильнее, чем прежде, гудел в ветвях берез, снежная пыль вихрем металась по двору.

Варяг благодарно заржал, когда его распрягли и поставили в конюшне возле карнаухого коня. Тот встряхнул головой, посмотрел на нового соседа и вновь опустил голову к кучке сена. Другие лошади продолжали мерно жевать, пофыркивая и переминаясь с ноги на ногу.

– Вашбродь, с сеном и овсом сами управитесь, – заявил озябший Захар, потирая ладони. – А то я уже дрожмя дрожу, зуб на зуб не попадет!.. Вот непогодь, бр-р-р!

Влетев быстрой тенью на крыльцо, он мигом исчез за входной дверью.

«Не Захар шастал по двору, – поглядел ему в след дворянин. – Однозначно, не он. Та фигура была, мнится, малость крупнее и выше... Не только этот момент не дает мне покоя. Вижу, нехорошие мысли бродят в головах некоторых постояльцев. Меня не проведешь... Не пойму пока, что это все означает».

Он заглянул в деревянный амбар с тесовой крышей, где витали запахи старой мешковины, соломы и зерна и, взяв с земляного пола охапку сена и ведро с овсом, вернулся в конюшню.

Варяг тряхнул гривой, фыркнул и принялся за корм. Хитрово-Квашнин, стараясь, чтобы конь нечаянно не наступил копытом на ногу, дружески потрепал его по холке.

– Что, лошадка, задал нам сегодня буран неприятностей?.. Бы-ыло такое, не отринешь. Но мы ж с тобой не промах, выдюжили, выехали к постоялому двору... Ты у нас умница, силач! Лучший упряжной конь, какой был у меня когда-либо. Не веришь?

Конь, поблескивая большими глазами, с хрустом жевал овес и помахивал хвостом. Хитрово-Квашнин улыбнулся.

– Жуй, жуй, набирайся сил. Завтра, даст Бог, будем дома!

Ежась, как Захар, он запер обе двери и поспешил к крыльцу. На полпути вдруг приостановился и... повернул в сторону тесового навеса. Любопытство ли его заставило поступить так, или еще что, он сам до конца не понял, и знать не знал, что решение это приведет к совершенно непредсказуемым последствиям.

Оказавшись под навесом, он с помощью фонаря бегло оглядел стоявшие экипажи: синий возок был простым, без излишеств, таких по дорогам Тамбовщины сновало бесчисленное количество. Серый и темно-коричневый выглядели выше и объемнее.

– Заехали на постоялый двор, судя по снегу на крыше, пораньше синего возка, – говорил вслух дворянин. – На черной бричке с колесным ходом снега почти столько же, сколько на этих двух возках. Сюда она въехала, похоже, одновременно с ними. Возможно, чуть раньше. Хм-м, и нет сомнений, на днях побывала в каретной мастерской. Царапины почти не видны, нигде ни пятнышка, все под ровным слоем блестящего лака. Сколько же отвалил хозяин за починку и покраску? Сотню? Полторы? Нет, побольше будет. Думаю, никак не менее двух сотен ассигнациями...

Резкий порыв ветра качнул фонарь, и в тусклом луче света что-то блеснуло на черном боку брички. Хитрово-Квашнин поднес фонарь ближе и отпрянул, как от пощечины. Из щели между кузовом и краем дверцы торчали два тонких женских пальца, унизанные кольцом и перстнем!

– Что, черт возьми, тут творится?

Он широко раскрыл глаза, не веря в происходящее. Грудь вздымалась, дыхание с шумом вырывалось из горла.

– Какого дьявола?!

Он попытался открыть дверцу, но та была заперта на ключ. Заглянуть внутрь также не удалось, оконце было задернуто занавеской. Дотронулся до пальцев – они были такими же ледяными, как унизывающие их драгоценности. С долгим выдохом он оперся спиной на толстый столб, поддерживающий навес.

– Эти, в избе, спокойно играют в лото, а тут... мертвое тело?

Сведя брови, он продолжал смотреть на пальцы с красивыми ухоженными ногтями... Постой, я, кажется, видел этот перстень раньше. Господи, неужели жертва – титулярная советница Квашнина-Самарина, моя соседка по имению?.. Если между указательным пальцем и большим имеется крохотное родимое пятно в виде молодого месяца, то...

Наклонившись, одной рукой отогнул на себя край дверцы, а другой взялся за пальцы, с силой потянул и в следующий миг выхватил... кисть руки, отрубленную по запястье!

– Боже! – с шумом выдохнул он, запихивая кисть обратно в бричку. – Яснее ясного, убийство!

Во рту у него пересохло, сердце заколотилось где-то у самого горла. Черт!.. Черт!.. Черт!.. Это непостижимо!.. Невероятно!.. Но как... как поступить? Что предпринять?.. Фу-у... я так понимаю, бричка принадлежит... принадлежала убитой... Или?.. Никаких сомнений в том, что преступник – один из этой компании за столом!.. Кто?.. Да что тут гадать... тот, кто предъявит права на бричку! Но кто это сделает? Родственник Астреина, черноволосые кузены, семейная пара или этот смурной мещанин?.. Никого нельзя пока исключать... Конечно, бричка могла и не принадлежать дворянке, ее убили неизвестно где из-за драгоценностей на руке... Возможны любые варианты... А не случилось ли злодеяние здесь, на постоялом дворе?.. Может быть, отрицать ничего нельзя... Но не сама же дворянка управляла лошадей! Ее должен был везти кучер. Откуда бы она ни ехала, стоит холодная зима, на дорогах пошаливают злодеи... Выходит, убили и его? Но если смертоубийства произошли на постоялом дворе, тогда где, в таком случае, трупы?.. Черт, тут сломаешь всю голову!.. Боже, отхватить руку у женщины! Слава Создателю, это не Квашнина-Самарина! Никакого родимого пятна... В таком случае, кто она? Возможно, мне знакома эта несчастная...

Он схватился за ручку и с такой силой рванул ее, что дверца распахнулась настежь. Его ожидания, однако, не оправдались: внутри брички было пусто, на подкладке из бурой медвежьей шерсти валялись только отрубленная кисть руки и перчатка... Узенькая, не по размеру, ее и не натянуть. Любят же наши дамы, чтобы перчатки идеально повторяли форму рук...

Прикрыв дверцу, Хитрово-Квашнин снова прислонился спиной к столбу... Вот так случай!.. Такого еще не бывало... Сумасшествие, мозги кипят!.. Кто убийца?.. Именно, убийца, вряд ли женщина выжила после такого... Так, необходимо собраться, взять себя в руки!.. Поступить нужно, мне кажется, следующим образом: войти в избу и, не показывая вида, не поднимая шума, попытаться вычислить душегуба или душегубов в ходе осторожных разговоров. Кто обмолвится или как-то покажет, что это его бричка, тот и есть убийца!.. Возможно, ученый канцелярист, может, братья, может, рыжак со шрамами и взглядом исподлобья. Оно и купец мог приложить к этому руку, нельзя его сбрасывать со счетов! Бывало, что и самый невинный, на первый взгляд человек, оказывался жутким злодеем... Мне ли не знать! Сколько было случаев, пока нес службу в капитанах-исправниках!.. Да, так я и поступлю, там будет видно, как действовать. Я вытрясу из подлеца или подлецов всю подноготную смертного злодеяния... Господи, до сих пор дыхание не пришло в норму! Не мудрено...

Он открыл свой возок, достал из походного саквояжа два заряженных двустольных пистолета, сунул в нагрудные карманы шинели и, широко перекрестившись, направился сквозь заметь к темнеющему крыльцу.

Глава 3

Игроки оставались на своих местах и выглядели значительно азартнее, чем в предыдущем туре. Купец, поглядывая на них и доставая из полотняного мешочка очередной случайный бочонок, озвучивал номер еще громче и отчетливее. Было видно, что выигрывает канцелярист, почти все числа на его карточке были закрыты кругляшами из плотной бумаги. Он оставался невозмутимым, лицо же его супруги излучало неподдельную радость. Непоседливый Захар ерзал на лавке как заведенный: то почешет всей пятерней в затылке, то закусит губу,

то со смешком повторит за Придорогиным озвученное число. Братья игрой до конца так и не прониклись, больше общались между собой, чем внимали словам купца.

Повесив шинель с фуражкой на гвоздь, штабс-ротмистр вернул ключ Придорогину и напоил Митрофана малиновым чаем. Затем присел к столу и раскурил свою пенковую трубку.

«Кто предъявит права на бричку? – думал он, посматривая сквозь пелену дыма на игроков. – Начитанный потомок подъячих со своей женушкой? Рыжий с плотно сжатым, как захлопнувшийся капкан, ртом и зелеными глазками-буравчиками?.. Придорогин?.. Братья?.. Добротный экипаж больше подходит первым, он как-то не вяжется с усманским молчуном, купцом и борисоглебцами. Неужели семейная парочка пошла на страшный грех?! Не знаю... Так или иначе, кто-то из сидящих здесь людей, лишив жизни женщину, отхватил у нее топором руку!.. Канцеляристу исключаем, не верится, чтобы это сделала она. Кто же из этих? Кто?.. Кому вздумалось присвоить подобным зверским способом обручальное кольцо и перстенок с сапфиром?»

– Как там ваш человек, вашбродь? – спросил Захар, громко шмыгнув длинным носом. – Одна и меня скрутила горячка, думал – помру. Квасу ледяного черт дернул хлебнуть после разгрузки товара. Болезнь так скрутила, что чудом выжил. Хотели уж попа звать, соборовать.

– Надеюсь, поправится, всегда был здоровым парнем. Как-то, лет пять тому будет, тоже свалился с горячкой, но скоро поправился.

– Ну да, чего раньше времени скисать-то! Это последнее дело... Вот у меня старший брат, женился, дурень, на сущей вертихвостке, которая ему, сказать по совести, изменять стала едва ли не со свадьбы. Она ему рога наставляет, а у него только вздохи. Сон потерял, исхудал, смотреть противно. Взял бы, да отлупил ее, как положено, ремнем вдоль спины и ниже. Шелковой бы сделалась, забыла бы про свои амуры... Не могу, мычит, очень люба мне Парасья, обидится...

– Хватит, балабол! – перебил купец словоохотливого работника, выпустив клуб дыма из рта. – Брата приплел, его жизнь, пусть и разбирается... Вашбродь, кучер ваш в бреду что-то про Тамбов бормотал. Вы что ж, прямоком из губернской столицы?

– Да, пришлось съездить туда по делам.

– И не побоялись? Там, бают, холера!

– Она пошла на убыль, зима, как видишь, на дворе.

– Оно, конечно, так... Ну, и как губернская столица? Слух прошел, с месяц назад там бунт случился, едва усмирили. Зачинщиков, говорят, в кандалы заковали, судить по всей строгости будут.

– Болезнь объявилась в городе где-то... в середине ноября, – стал припоминать дворянин отчет Оленина, не прекращая при этом осторожно оценивать взглядом как его, Придорогина, так и братьев с усманцем и семейной парой. – Да, точно, около месяца назад. Был создан чрезвычайный холерный комитет, по городу понеслись крытые холерные повозки. Как всегда в таких случаях в больницу повезли не только больных, но и пьяных, а также всех, кто вел себя хоть как-то подозрительно. Горожане зароптали, поверили нелепым слухам, что лекари с губернским начальством задумали умерить их. Вслед за неподчинением властям последовали волнения, в ходе которых была уничтожена холерная больница и сняты все городские караулы. Ну, бунт и усмирили, как же без этого. Кстати, справился с задачей конно-пионерный эскадрон из Петродара. Зачинщики, числом около тридцати, были брошены за решетку, остальные, в конечном счете, разбрелись по домам.

– Людей понять можно, их хватали, как собак! – заверещал Захар. – Я б тоже возмутился, если б меня за шиворот да в холерную повозку.

– Ты, Захарка, и вякнуть бы не успел, – ухмыльнулся купец. – Огрел бы тебя какой-нибудь солдатик по башке прикладом, как миленький бы поехал!

– Руки коротки! Я б его сам чем-нибудь огрел, да так, что скопытился бы!

– Это здесь ты геройствуешь, в ста с лишним верстах от Тамбова. А попади туда, запел бы по-другому. Хвастать – не косить: спина не ломит!

– Я б тоже не дался, смертоубийство бы совершил, а не дался! – заявил Семен. – Что это такое, нас за людей не считают!

– Еще один удалец! Винца хорошенько хлебнул, вот она и храбрость!

– Вино тут не причем... Я терпеть не могу, когда меня, тово, за шкуру...

– Гляди, какой недотрога! За шкуру бы и поволокли, а если б заартачился, так прошлись бы по бокам, что забыл бы как и звать тебя!

– Народ, ваше благородие, везде одинаков, – изрек Сухарев, поглядев на дворянина. – Темный, невежественный, никакого понятия о медицине.

Семен, будучи полупьяным, оставил его шпильку без ответа, но Захар возмутился:

– Это я что ль невежественный?.. Ты, господин отставной канцелярист, не тово, не разбрасывайся словами!.. Воткнул себе в карман книжку и важничает. Я тоже грамоте разумею...

– Закорючку на бумаге ты поставить мастак, знаем, – издевательски погладил голову помощнику Придорогин. – Играй, довольно хвастать да пузыриться!

Хитрово-Квашнин пригладил кончики усов и пустил вверх легкое облачко дыма. Хм-м... Убийцу надо обезвредить до того как окончится этот буран. При первых признаках улучшения погоды каждый из постояльцев будет подумывать о выезде с постоялого двора, о продолжении своего собственного пути... Какой же бедняжке выпало столкнуться в жизни с кровавым упырем? Где это случилось?.. Где-то на большой дороге?.. На подъезде к постоялому двору?.. Или, все-таки... Не знаю, непонятно, ума не приложу... Судя по изящным тонким пальцам, погибшая из привилегированного сословия. Но отчего злодей не снял украшения и не избавился от отрубленной руки?.. Ездить по округе с таким страшным трофеем!.. Не было времени? Или это результат обыкновенной небрежности, недосмотра?..

Он прищурил глаза и погладил кончики усов. Сердце перестало гулко биться, но ощущение беды, возникшее под тесовым навесом, не проходило.

– Вы читали последний номер «Московского телеграфа»? – вдруг спросил у него канцелярист.

– Нет, не довелось. Что, интересные вещи напечатаны?

– Мне кажется, да. Могу дать почитать...

– Не утруждайте себя. Я еще не совсем освоился, да и дрожь от холода не прошла...

– Вообще, журнал мне нравится. Полевой, надо признать, замечательный издатель. Из сибирских купцов, без систематического образования, а сколько ума! Вот что значит запоем читать книги, вынося из них золотые крупницы истины! Говорят, он уже подростком строчил стихи, драмы, издавал рукописные газеты и журналы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.